

Владимир Иванович Якунин,

доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: gospolitika_tsu@mail.ru

Сергей Владимирович Володенков,

доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Вардан Эрнестович Багдасарян,

доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: vardanb@mail.ru

Максим Владимирович Вилисов,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: vilisov@centero.ru

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО
(ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОГО
ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Данная работа посвящена анализу результатов проведенного международного экспертного исследования, посвященного вопросам выявления глобальных траекторий политических трансформаций в современном мире, характеризующемся высокой нестабильностью и неопределенностью. Основной научной задачей стало определение ключевых контуров формирующегося нового мирового порядка и связанных с этим процессом ключевых угроз, вызовов и рисков, стоящих перед человечеством на сегодняшний день. В исследовании рассматриваются ключевые факторы, способствующие актуальной политической дестабилизации на глобальном уровне, а также доминирующие тренды современного глобального развития. Особое место в исследовании уделено перспективам России в системе нового миропорядка. Важную часть исследования занимает изучение вопроса формирования новых общественно-политических идеологий и соответствующих им ценностных компонент. Не менее важным разделом исследования выступает анализ современной модели

глобализации и построение сценариев ее трансформации, включая появление новых акторов глобального развития. Применение методов комплексирования экспертных оценок и сценариотехник позволило сформулировать научно значимые выводы по проблематике проведенного исследования.

Ключевые слова: политические трансформации, глобальная нестабильность, неопределенность будущего, глобальные вызовы, новая идеология, ценностные ориентации, глобальные тенденции развития.

Vladimir Ivanovich Yakunin,

Doctor of Political Sciences, Head of the Public Policy Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia), e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

Sergey Vladimirovich Volodenkov,

Doctor of Political Sciences, Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia), e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Vardan Ernestovich Bagdasaryan,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia), e-mail: vardanb@mail.ru

Maksim Vladimirovich Vilisov,

Kandidat of Political Sciences, Associate Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, 119991 Moscow, Russia), e-mail: vilisov@centero.ru

POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT OF GLOBAL INSTABILITY AND UNCERTAINTY OF THE FUTURE (BASED ON THE MATERIALS OF AN INTERNATIONAL EXPERT STUDY)

This work aims to analyze the results of an international expert study devoted to identifying global trajectories of political transformations in the contemporary world, characterized by high instability and uncertainty. The main scientific task was to determine the key contours of the emerging new world order and the critical threats, challenges and risks associated with this process facing humanity today. The study examines the key factors contributing to the current political destabilization at the global level, as well as the dominant trends of contemporary global development. The special place in the study is given to the Russian prospects in the system of the new world order. An essential part of the study is devoted to scrutinizing the formation of new socio-political ideologies and the corresponding value components.

An equally important section of the study is the analysis of the contemporary model of globalization and the construction of scenarios for its transformation, including the emergence of new global development actors. The use of methods for combining expert assessments and scenario techniques made it possible to make scientifically significant conclusions on the problems of the study.

Key words: *political transformations, global instability, uncertainty of the future, global challenges, new ideology, value orientations, global development trends.*

Введение

В сентябре — октябре 2021 г. методом экспертного опроса сотрудниками кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено международное исследование на тему «Политические трансформации в условиях глобальной нестабильности и неопределенности будущего». В рамках исследования были записаны интервью с ведущими экспертами из Китая, Великобритании, Израиля, США, Индии, Японии, Италии. Среди экспертов, принявших участие в исследовании, можно выделить представителей ведущих национальных университетов, представителей политических и международных организаций. В их число вошли такие ученые и специалисты, как профессор, бывший исполнительный директор Международного валютного фонда по Японии *Дайсуке Котегава* (Daysuke Kotegawa, Япония); премьер-министр Израиля (2006–2009) *Эхуд Ольмерт* (Ehud Olmert, Израиль); член Высшего консультативного совета Ассамблеи народов Евразии, председатель форума One Globe, президент Фонда политики и управления, глава департамента Индийского национального конгресса *Далбир Сингх* (Dalbir Singh, Индия); профессор политологии Университета Род-Айленда *Николай Петро* (Nicolai N. Petro, США); профессор глобальной истории Вустерского колледжа *Питер Франкопан* (Peter Frankopan, Оксфорд, Великобритания); президент Шанхайского института международных исследований *Чэнь Дунсяо* (Chen Dongxiao, Китай); президент Итальянского общества международных организаций, министр иностранных дел (2008–2011) *Франко Фраттини* (Franco Frattini, Италия).

Основной целью исследования стало выявление экспертных представлений о текущем состоянии мировой политической системы в условиях глобальной нестабильности и неопределенности, а также определение рисков, угроз, вызовов и возможных глобальных политических трансформаций в ближайшем будущем. На основе полученных результатов была предпринята попытка сформулировать научно обоснованные предположения относительно траектории дальнейшего движения мирового сообщества и России в частности

в направлении определения основных черт кризиса современных политических систем и предпосылок к формированию нового мирового порядка.

Эксперты были отобраны таким образом, чтобы в рамках проведенного исследования были максимально широко представлены точки зрения на обозначенные проблемы со стороны представителей государств с разными политическими культурами, политическим менталитетом и политическими традициями.

Участникам исследования было предложено ответить на шесть ключевых открытых вопросов:

1. Политическая стабильность в глобальном масштабе (как на уровне международных отношений, так и с точки зрения внутренней стабильности отдельных политических режимов) в последние годы заметно снизилась. Каковы, на ваш взгляд, причины этой продолжающейся дестабилизации?

2. Согласны ли вы с характеристикой современной ситуации как вступления мира в фазу неопределенности будущего? В чем вы видите доминирующие тенденции глобального развития до 2030 г.?

3. Каковы перспективы России в будущем миропорядке? В каком направлении, по вашему мнению, будут происходить изменения российского политического ландшафта? Как будет изменяться внешняя политика России?

4. Предвидите ли вы появление какой-то новой идеологии в ближайшем будущем? Идеологии с какими ценностными ориентациями будут наиболее тесно соответствовать социальным запросам, текущим политическим проектам и глобальным тенденциям развития? Можно ли говорить, что в разных частях света будут свои собственные, в том числе конфронтационные, идеологические тенденции или мир будет стремиться к выработке общей, универсальной идеологии?

5. Сохранится ли тенденция, определяемая концепцией глобализации, в ближайшие 10 лет? Произойдет ли изменение глобализационной модели и ключевых акторов глобализации?

6. На десятилетнем горизонте какие угрозы вы считаете наиболее серьезными для человечества? Какие конфликты могут быть в центре внимания глобальной политической повестки дня? Есть ли понимание механизмов блокирования угроз и восстановления стабильности в международных отношениях?

В целом по итогам исследования и комплексирования полученных результатов можно сделать вывод о том, что по большинству поставленных вопросов эксперты имеют весьма неоднородные позиции. Полученные в ходе исследования ответы на открытые вопросы характеризуются разнообразием и разнонаправленностью эксперт-

ных оценок и позиций. Данное обстоятельство свидетельствует о сложности обозначенной нами в ходе исследования проблематики, неоднозначностью и противоречивостью представлений о ней в разных странах, что лишь подчеркивает необходимость и актуальность комплексного изучения современных глобальных трансформаций в сфере политики со стороны ученых. Несмотря на широкий спектр представленных экспертами мнений, нам удалось выявить ключевые позиции, оценки, прогнозы и сценарии, проведя комплексные анализ и интерпретацию полученных результатов.

Проблемы и факторы глобальной политической нестабильности

В ходе исследования его участники выделили сразу несколько ключевых и значимых причин актуальной глобальной нестабильности, требующих глубокого анализа и эффективного разрешения со стороны ведущих государств мира.

В первую очередь речь идет о том, что выгоды современной глобализации распределяются неравномерно, в результате чего во всем мире общества в течение последних 20–30 лет становятся все более неравноправными¹. Это создает проблемы не только в демократических странах, но и в авторитарных, теократических и тоталитарных системах. На данный момент одна из проблемных точек заключается в том, что правительства пытаются заниматься этой проблемой разными способами, в разных форматах и с разным успехом, но в результате это способствует лишь возникновению турбулентности как на региональном, так и на глобальном уровне².

Кроме того, по мнению ряда экспертов, современная глобальная нестабильность является результатом полного отсутствия личного доверия между высшими руководителями ведущих мировых держав, в первую очередь между лидерами США, России и Китая. Один из экспертов был даже более радикален и констатировал «полное отсутствие способности общаться», что ведет лишь к усугублению ситуации с отсутствием доверия и дальнейшему росту международной напряженности.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда президент США назвал президента России убийцей, чего никогда не случалось даже во времена холодной войны. Ни президент Эйзенхауэр, ни президент Кеннеди, ни президент Джонсон, ни президент Никсон не позволяли называть русских или российских лидеров убийцами.

¹ Даллакян К.С. Тенденции современной глобализации // Финансы: теория и практика. 2016. Т. 20. № 3. С. 150–156.

² Полулях Д.С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка // Политическая наука. 2017. № 5. С. 245–260.

Высказывание Дж. Байдена стало, по экспертным оценкам, ярким экстраординарным выражением личного недоверия между президентом Америки и президентом России.

Помимо этого, по мнению экспертов, в последние годы в международных отношениях усиление дестабилизации было вызвано также и иными сложными факторами³. Так, гегемония в сочетании с менталитетом холодной войны приводит, по экспертным оценкам, к нестабильности отношений между крупными странами. С одной стороны, международный порядок после холодной войны, когда Америка на какое-то время была единственной сверхдержавой, ослабевает. С другой стороны, возрождение и появление на международной сцене незападных держав ускорили формирование многополярности⁴ и способствовали разнообразию глобального ландшафта. В этом контексте определенные политические силы на Западе, возглавляемом США, рассматривают все незападные развивающиеся страны, например Китай и Россию, как соперников или даже противников, которых нужно сдерживать, что в результате ускорило возвращение «эры соперничества великих держав» на фоне новых дестабилизирующих факторов в отношениях крупных стран.

Кроме того, неудачная стратегия «смены режимов» усугубляет беспорядки в некоторых странах и регионах⁵. После окончания холодной войны США начали серию военных операций на Ближнем Востоке и в Центральной Азии во имя гуманитарной интервенции или борьбы с терроризмом, но не добились прогресса в поддержании мира и стабильности в регионе, что означает неудачу американской стратегии «смены режимов». Например, поспешный уход США из Афганистана еще больше актуализировал проблему восстановления безопасности и стабильности в стране и может привести к возобновлению активной террористической деятельности.

Еще одним фактором, ведущим к политической дестабилизации на глобальном уровне, по мнению экспертов, является экстремизм, который порождает возрастающие риски как в нетрадиционной, так и в традиционной сферах безопасности. Терроризм, сепаратизм

³ Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 34–47.

⁴ В англоязычной терминологии чаще всего используется термин *multilateral*, который на русский язык в зависимости от контекста переводят как «многосторонний», «многомерный», «многоуровневый» и «многополярный». В дальнейшем в тексте статьи будет использован термин «многополярный» для обозначения всей совокупности определений, передаваемых в английском языке с использованием термина *multilateral*.

⁵ Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2020»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2020.

и экстремизм продолжают распространяться в странах и регионах со слабым управленческим потенциалом, вызывая внутренние и международные потрясения⁶. Увеличение разрыва между богатыми и бедными после 2000 г., когда финансовые спекуляции стали доминирующей силой в мировой экономике, еще более усилило процессы радикализации и экстремизации населения бедных стран, что, в свою очередь, непосредственно влияет на снижение стабильности в мире.

В условиях цифровых технологических трансформаций эксперты выделяют также новые факторы дестабилизации⁷. Так, что касается новых технологий, особенно тех, которые связаны с цифровой безопасностью, безопасностью данных, кибербезопасностью и т.д., то в глобальном масштабе отсутствует общепризнанный механизм регулирования, в связи с чем в данной сфере могут возникать споры и конфликты. Более того, поскольку цифровые сетевые технологии широко используются в традиционной военной сфере, отсутствие взаимного доверия и регулирующих механизмов во всем мире может легко привести к ошибочным суждениям и даже к конфронтации.

Не менее важным фактором является изменение климата и ухудшение состояния окружающей среды, что усугубило уязвимость спроса и предложения в рамках взаимосвязи вода — энергия — продовольствие. В частности, важнейшая проблема трансграничных водных ресурсов еще больше обострила региональную межстрановую конкуренцию. По мнению ряда экспертов, в течение следующих двух лет «кризисы средств к существованию» станут самыми большими проблемами, стоящими перед человечеством.

Отдельно эксперты обратили внимание на такой фактор, как политическая идентичность. После распада Советского Союза, в течение 1990-х гг., политическая идентичность была основным источником конфликтов. Существует множество примеров, иллюстрирующих это утверждение: Босния, Руанда, Косово, Грузия и т.д. Среди известных ученых существует консенсус в отношении того, что идентичность была спусковым крючком для новых конфликтов, в которых этническая принадлежность, племя и религия играли фундаментальную роль. Примечательно, что 60 % негосударственных конфликтов с 2001 по 2010 г. также были вызваны этническими или религиозными факторами.

⁶ Шатанкова Е.Н., Тарыкин В.К., Сычкова Ю.Ю. Идеино-политическая эволюция международного терроризма в условиях перехода к глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 147–150.

⁷ Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2020 г.). М.: РУДН, 2020.

В то время как геополитические проблемы «старых войн» решались или велись за идеологии или территории, в новых конфликтах, или «новых войнах», в игру вступают элементы, связанные с политической идентичностью, понимаемой как доктрины, которые пытаются укрепить и подчеркнуть важность структур власти, основанных на племени, нации, клане, религии или языке. Сегодня традиционные войны заменяются терроризмом, повстанческим движением и локальными вооруженными конфликтами. Гражданские лица теперь являются не жертвами, а инструментами этих процессов.

И если предыдущие столетия характеризовались преимущественно строительством национальных государств, то современные политические идентичности являются, скорее, гибридами и плюралами⁸. Как отметил один из экспертов, «глобализация не является завершением национального проекта в области самобытности». Она порождает свободное движение капитала, товаров, услуг и людей и провоцирует массовую миграцию населения по всей планете. Это вызывает высокий уровень недовольства в общинах, которые испытывают угрозу не только в отношении своей собственной индивидуальности, культуры, ценностей и уникальности, но и в отношении своих средств к существованию, чем воспользовались популистские движения для создания напряженности внутри национальных государств.

Эксперты отмечают растущее чувство неуверенности и разочарования у людей, живущих в современном мире. Значительная часть населения во многих государствах все больше ощущает себя забытой и убеждена, что элита или политики не заботятся о страхах и потребностях своих граждан. Неслучайно во многих городах и странах мы можем наблюдать сегодня большое число массовых уличных демонстраций и беспорядков. Это серьезная проблема, с которой сталкиваются даже развитые страны. Рост подобных настроений характерен в том числе и для таких стран, как США, Италия, Польша, Великобритания, Австрия, Россия, Испания, Швеция, Греция и т.д. Существуют факторы, подпитывающие межгрупповые и внегрупповые настроения, в рамках которых «другой» рассматривается как угроза. В этих условиях война воспринимается не как инструмент политики, а, скорее, как инструмент справедливости, религии или выживания.

По мнению ряда участников исследования, феномен массовой иммиграции и / или последствия экономического кризиса являются ключевыми факторами, способствующими подъему национального самосознания. Так обстоят дела в Италии, Венгрии, Польше и

⁸ *Мачина А.А.* Гибридная идентичность как фактор политической реальности европейского общества // Вопросы политологии. 2018. Т. 1. № 29. С. 24–32.

Швеции. Если иммиграционные и экономические факторы лежат в основе нового национализма, они явно могут усугубить конфликты идентичности в будущем. Согласно оценке ООН, в Африке в 2030 г. будет жить 1,6 млрд человек, что составит 50 % мирового прироста населения. Как образно выразился один из экспертов, Африка — «это демографическая бомба с часовым механизмом, если не решить проблему устойчивого развития». Рост населения, наряду с уровнем безработицы, степенью отсталости и активными конфликтами на африканском континенте, приведет к массовому перемещению людей, спасающихся от нищеты и смерти и ищущих лучшей жизни в более процветающих странах Европы. Таким образом, существует питательная среда для формирования политических идентичностей и националистических движений. Они будут оказывать дестабилизирующее воздействие на международную ситуацию.

Политическая идентичность и так называемые ревизионистские государства являются наиболее опасными вызовами для международной безопасности, стабильности и процветания на следующее десятилетие⁹. Тем не менее существует еще более опасная угроза в этой области, которая заключается именно в комбинации или слиянии обоих вызовов. Это относится и к новым державам с авторитарными правительствами, без демократического контроля, сдержек и противовесов, и к нелиберальным демократиям, в которых опасность крайнего национализма присоединяется к импульсу перестройки существующего статус-кво в самых архетипических реалистических декорациях.

Тенденции глобального развития в условиях неопределенности будущего

По итогам исследования следует выделить сразу несколько ключевых тенденций, заслуживающих, по мнению экспертов, пристального внимания.

Во-первых, эксперты выделяют рост протекционизма и национализма в современных государствах, который усугубляется поведением ряда глобальных игроков. В частности, это характерно для США, которые развязывают войны — торговые или экономические — вместо сотрудничества.

Во-вторых, пандемия серьезно обострила тенденции к перемещению производственных цепочек. Это не просто тенденция, а глокализация в самом крупном масштабе, создающая ситуацию, в которой выгоды и преимущества обмена людьми и товарами утрачиваются.

⁹ Богданов А.Н. Ревизионистские державы и современный мировой порядок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 2. С. 216–219.

Запад не способен заключить сделку с группой стран: Индией, Россией, Китаем и Пакистаном — странами, которые рассматриваются сегодня западным миром не как неотъемлемая часть глобальных решений, а исключительно как часть глобальных проблем.

Институты G7 и G20, по мнению экспертов, сегодня во многом неэффективны и неактуальны, они не способны сформировать сильную и эффективную многосторонность. Россия больше не является членом группы G8, а G20, где лидеры решают некоторые экономические вопросы, создает определенный вклад, но не формирует решение глобальных проблем. Яркий пример — в G20 есть только одна африканская страна — член организации, несмотря на серьезное значение Африки для всего мира. От мусульманского мира в G20 также входит только Саудовская Аравия, в то время как мусульмане насчитывают более 1 млрд человек в мире. Исходя из данных обстоятельств, по мнению экспертов, многосторонность должна быть сформирована более эффективным, более инклюзивным, более географически распределенным и справедливым образом.

В-третьих, по экспертным оценкам, К-образное восстановление в экономической сфере во время и после пандемии усугубило глобальное разделение богатства. Эффект накопленного преимущества Матфея, когда сильные государства становятся сильнее, а слабые слабее, богатые общества становятся богаче, а бедные становятся беднее, лишь усугубил экономическое неравенство во все более неравноправном мире. Увеличение разрыва между богатыми и бедными странами после 2000 г., когда финансовые спекуляции стали доминирующей силой в мировой экономике, стало основной причиной дестабилизации мира и превратилось в один из мощных мировых трендов.

Следующее десятилетие станет периодом борьбы между экономикой, возглавляемой финансовыми спекуляциями, и экономикой, возглавляемой производством. Экономика, основанная на производстве, способна обеспечить политическую стабильность во внутренней и глобальной политике. Для этого, по мнению одного из принявших участие в исследовании экспертов, государства должны восстановить законодательство типа закона Гласса — Стиголла, которое отделило бы коммерческие банки от инвестиционных и прекратило бы спекуляции. Каждая страна должна стремиться к укреплению своей реальной экономики, ориентированной на производство, в противном случае глобальное экономическое неравенство будет только возрастать.

В-четвертых, в геополитической сфере США сфабриковали «новую стратегию сдерживания» Китая, еще больше усугубив тенденцию к глобальной фрагментации. Хотя администрация

Байдена внесла некоторые коррективы в политику Трампа в отношении Китая, ее лейтмотив остается прежним. В будущем обеим странам придется бороться за стратегии «сдерживания» и «антисдерживания». Хотя Китай стремится восстановить двусторонние рамки «взаимного уважения, бесприигрышного сотрудничества и мирного сосуществования», на самом деле успех заключается в решении США отказаться от политики сдерживания и вернуться на конструктивный путь.

В-пятых, с точки зрения взаимосвязи между экономикой и безопасностью, мир вступил в новую фазу приоритизации безопасности и акцентирования внимания на внутренних повестках дня. Несмотря на то что крупные экономики на словах отстаивают единообразие развития и безопасности, но в действительности, как отметил один из экспертов, собственная безопасность и внутренняя повестка дня всегда превыше всего. Это еще больше укрепляет тенденцию ограниченной глобализации и прогрессирующей регионализации. При этом за силами дезинтеграции стоит политика силы, политика идентичности, а также проблемы структурирования в цифровой экономике и в технологических отраслях в целом.

В-шестых, пандемия COVID-19 еще более усилила фрагментацию и дезинтеграцию, что втягивает мир в неопределенность будущего¹⁰. COVID-19, наложенный на существующие глобальные проблемы, является самым большим стресс-тестом, с которым когда-либо сталкивалось международное сотрудничество. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. была объявлена как «наш общий интерес к обеспечению нашего общего выживания». Хотя пока никто не может предсказать, окажется ли сам COVID-19, в отличие от ущерба для экономики и средств к существованию, вызванного ответными мерами политики на него, в конечном итоге более серьезной движущей силой промежуточных избыточных смертей и других трудностей, мы можем предположить, что косвенный эффект будет доминировать во многих странах с низким уровнем дохода и более бедных общинах в долгосрочной перспективе. В бедных странах этому будет способствовать рост безработицы и ущерб образованию после долгосрочного закрытия школ. Большая часть мира все еще находится в разгаре борьбы с COVID-19 с его многомерными эффектами домино.

Исключительная неопределенность связана с изменениями основных параметров нашей жизни, средств к существованию и глобального порядка. Тем не менее некоторые основные контуры

¹⁰ Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: Конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 1–81.

нового глобального контекста проследить легче, чем другие, даже если их конкретные последствия все еще являются спекулятивными.

COVID-19 с угрожающей скоростью вызвал глобальный экономический шок огромных масштабов, что привело к резким рецессиям во многих странах. По оценкам Международного валютного фонда (МВФ), 2020 г. мировой ВВП сократился на 3,5 %, что является самой глубокой глобальной рецессией со времен Второй мировой войны. Для сравнения, во время мирового финансового кризиса в 2009 г. мировое экономическое производство упало всего на 0,1 %, хотя эта цифра и скрывает большие различия между странами. Пандемия, в частности, подтолкнула Африку к первой рецессии за последние 25 лет. Ожидается, что в 2020 г. реальный ВВП на душу населения сократится на 2,6 % в странах Африки к югу от Сахары, и, вероятно, он регрессирует до уровня 2008 г.

Пандемия оказала разрушительное воздействие на положение женщин, молодежи, бедных, неофициально занятых и тех, кто работает в секторах, интенсивно использующих контакты. В большинстве стран с формирующимся рынком и развивающихся стран миллионы людей были ввергнуты обратно в нищету. В ближайшее время в крайнюю нищету попадут от 119 до 124 млн человек, что представляет собой первый рост крайней нищеты с 1998 г. Более того, некоторые прогнозисты утверждают, что это число может достигнуть 250 млн человек к 2030 г. и что потребуется 10 лет экономического роста только для того, чтобы вернуть показатели крайней нищеты до докризисного уровня.

Мы также стали свидетелями беспрецедентного роста государственного долга в мирное время во время пандемии. Чтобы ограничить долгосрочный ущерб экономике и облегчить восстановление, правительства в значительной степени решили проводить экспансионистскую фискальную политику, создавая тем самым бюджетный дефицит и увеличивая государственный долг. После и без того нестабильной ситуации, существовавшей до пандемии, ожидается, что в предстоящие годы отношение долга к ВВП в развивающихся странах возрастет, что усилит угрозу приемлемости уровня задолженности.

Эти связанные с долгами проблемы могут лишь усугубить более широкие социальные разногласия, связанные с неравномерным распределением бремени кризиса и восстановления по группам доходов, профессиям, регионам, возрасту, полу, этнической принадлежности и географическому положению. Подверженность связанным с работой рискам для здоровья и, наоборот, возможности для дистанционной работы и дистанционного обучения сильно смещены в пользу пожилых, более высокооплачиваемых, более образованных и более

богатых групп. Неформальные работники в условиях неустойчивой гиг-экономики также в гораздо большей степени подвержены финансовым увольнениям.

Также необходимо отметить, что, по мнению участников исследования, модели деглобализации и растущие инстинкты самозащиты национальных государств отражаются в напряженности между стратегиями многостороннего сотрудничества и «национализма в одиночку»¹¹. По мнению некоторых экспертов, вера в глобализацию сегодня глубоко подорвалась, особенно среди крупных когорт среднего класса, чьи реальные доходы остались позади в 2010-х гг. и которые стали более уязвимыми к риску вернуться в нищету.

Наконец, пандемия также привела к формированию такого глобального феномена, как вакцинный национализм. Хотя лидеры могут понимать, что пандемия является глобальной проблемой, которую можно по-настоящему победить только во всем мире, они находятся под сильным политическим давлением, стремясь сделать своих собственных граждан своим главным приоритетом. И в то время как самые богатые страны обеспечили миллиарды доз вакцин против COVID-19, развивающиеся страны изо всех сил пытаются получить доступ к поставкам. По оценкам специалистов, вакцинный национализм может замедлить восстановление мировой экономики, обходясь странам с высоким уровнем дохода в 119 млрд долл. в год. Хотя COVID-19 сам по себе не вызвал экономическую, технологическую и политическую конкуренцию между странами, он, безусловно, обострил данный аспект соперничества.

Перспективы формирования новых общественно-политических идеологий и их ценностное содержание

Когда мы говорим о демократии, о свободе слова, мы говорим о ценностях, а когда мы говорим о ценностях, мы говорим об идеологиях. И, по мнению большинства принявших участие в исследовании экспертов, политическая многополярность, цивилизационное разнообразие и вариативность моделей развития — это глобальные тенденции, которые нельзя повернуть вспять. В будущем различные идеологии, политические и социальные мысли будут сосуществовать, сталкиваться, противостоять, а также учиться друг у друга. Эксперты оценивают формирование единой идеологии, которая будет господствовать в мире, как маловероятное.

Более того, ряд участников исследования отметили, что каждый человек и страна должны определить свои ценностные представления. Участники исследования сошлись во мнении, что не должно

¹¹ Грязнов С.А. Мировая политика — глобализация или деглобализация? // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12–1. С. 205–207.

быть идеологии, которая диктовала бы поведение и мышление людей, такой, как, например, «зеленый новый курс». Как заметил один из экспертов, «сила человечества существует в его диверсифицированных ценностях».

Неолиберальный капитализм на протяжении долгого времени был доминирующей идеологией во всем мире как идеологический гегемон. Однако подавляющее большинство развивающихся стран, которые без разбора приняли политику и институты неолиберализма, не смогли сократить разрыв с развитыми странами. Напротив, многие из них попадают в ловушку среднего дохода и остаются там. С другой стороны, международный финансовый механизм, в основе которого лежит неолиберализм, оказался неадекватным с низкой эффективностью в борьбе с международным финансовым кризисом и содействии глобальному развитию.

Более того, западные экономики, олицетворяемые США и Великобританией как оплоты неолиберального капитализма, последовательно становились жертвой неравного распределения доходов, социальной поляризации, конфликтов и широко распространившегося ксенофобского популизма. В ответ на такой хаос Запад в той или иной степени размышлял, призывая к «новому социальному контракту», продвигая экологические, социальные и управленческие критерии (ESG) для деятельности компаний, а также выступая за терпимость и равенство, чтобы исправить негативные тенденции.

Но могут ли сегодня, в XXI в., новые концепции заменить неолиберализм на идеологию новой эры? Ряд последних событий свидетельствует о том, что внутривнутриполитическая ситуация ключевых акторов на международной арене претерпевает значительные изменения, равно как и отношения между самими акторами. Многие происходящие события указывают на то, что мир находится в другом периоде исторического перехода.

Краткий перечень таких событий включает в себя распад политического центра в развитых демократиях, центробежные тенденции в давно сложившихся региональных и международных структурах, одним из примеров которых является голосование по Brexit, а также крах американского морального лидерства. Неслучайно в своем выступлении на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «доминирование Запада в мировых делах, начавшееся несколько столетий назад и ставшее едва ли не абсолютным на короткий период в конце XX в., уступает место намного более многообразной системе»¹².

¹² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 2021. 21 октября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975>

Кроме того, во многих странах, по экспертным оценкам, наблюдается возрастающая тенденция к эгоизму и протекционизму. Это компоненты отрицания основных ценностей солидарности, которые для многих людей все еще являются ключевыми и основополагающими. Такая ситуация характерна даже для Европейского союза. Так, например, Италия осталась в одиночестве в условиях миграционного кризиса, когда ее европейские партнеры заявили о том, что миграционная проблема является исключительно внутренним делом Италии и не имеет к ним никакого отношения. Такое положение дел можно оценить как глубоко несправедливое, обостряющее чувство несправедливости.

На этом фоне в краткосрочной и среднесрочной перспективе ключевым вопросом, по мнению экспертов, принявших участие в исследовании, являются отношения между теми державами, которые в значительной степени ответственны за создание порядка после Второй мировой войны, и теми, кто бросает ему вызов в попытке установить новую парадигму, ставящую этот порядок под сомнение. В каком направлении движутся эти отношения, должно стать ясно в течение ближайших 5–10 лет. По сути, существует три возможных варианта.

Один из них заключается в том, что нынешней парадигме, в которой доминирует Запад, удастся преодолеть свои нынешние слабости и разобщенность, создавая пространство для движения к обновленной демократической революции. В таком пространстве сложные силы могут быть успешно поощрены к интеграции. Назовем это «обновленным либеральным интернационализмом» — обновленной версией парадигмы, которая преобладала после окончания Второй мировой войны.

Второй путь заключается в том, что оппонентам западной парадигмы — в первую очередь, но не исключительно, России и Китаю — удастся воспользоваться ее противоречиями, чтобы более или менее мирно создать основу для многополярного мира, за который они давно бьются. Назовем это Концертом XXI в., в честь Концерта наций XIX в.

Третий путь похож на второй, но с одним существенным отличием. Подъем многополярных настроений оборачивается насильственными действиями, характеризующимися нарастающими конфликтами, охватывающими все больше регионов мира. Назовем это «геостратегическим кризисом», новым периодом глобального конфликта.

На перспективы реализации одного из указанных сценариев может влиять сразу несколько факторов.

Первый фактор касается экономической жизнеспособности основных действующих лиц — продолжит ли их экономическая

модель порождать достаточное богатство для поддержания их программ «жесткой» и «мягкой» силы.

Второй фактор заключается в том, удастся ли этим государствам сократить разрыв в неравенстве среди своих граждан. Данный разрыв охватывает международные границы, но он особенно важен в основных государствах-протагонистах, влияющих на формирование мирового порядка.

Третий фактор связан с управленческим потенциалом конкурирующих стран. Откажутся ли демократические государства, которые традиционно осуществляли лидерство в управлении, от этой роли? Окажутся ли авторитарные государства способными выработать новую парадигму, основанную на политической монополии правящей группы, но позволяющую эффективно руководить обществом благодаря своему мастерству в освоении передовых технологий? Или мир в конечном итоге получит новый вид демократической парадигмы, совершенно отличной от того, что мы знали в последние десятилетия, но все еще способной считаться демократической?

Также существует возможность и военного прорыва — такого, который мог бы убедить руководство того или иного государства в том, что оно в состоянии подавить своих соперников и пойти на значительные риски в противостоянии господствующей системе.

Наконец, фактор *wild card* заключается в том, как ключевые государства в международном сообществе будут решать растущие экологические проблемы, с которыми сталкивается каждый участник сообщества. Экологические реалии нашего времени формируют вероятность того, что в глобальную политику вмешается серьезная климатическая ситуация, ослабив традиционные стратегические соображения или изменив их для создания стратегических сложностей нового порядка.

В целом, согласно ряду экспертных мнений, у каждой национальной элиты, представляющей ведущие мировые державы, в обозримой перспективе будут представители каждой точки зрения, и общей практической повестки дня, которая объединила бы какую-либо группу за пределами национальных границ, на сегодняшний день явным образом не просматривается.

При этом часть экспертов считает, что преобладающая идеологическая борьба будет проходить между теми, кто подтверждает ценность традиции, и теми, кто стремится подорвать эту традицию — прогрессистами. Каждая из сторон считает, что она действует в интересах своей нации и всего человечества. Чтобы обеспечить свою окончательную победу, прогрессивным элитам придется все больше ограничивать средства массовой информации и политический доступ диссидентских голосов. Ограничения будут в значительной

степени невидимы (или объяснены как защита свободы), но тем не менее будут представляться традиционалистами как свидетельство коррумпированной природы современной демократии.

Смогут ли традиционалисты оказать эффективное сопротивление в рамках нынешней политической системы, эксперты ответить затруднились. На данный момент большинство традиционалистов считает, что демократия может быть жизнеспособной и получить более широкую социальную базу. Однако если потерять веру в демократические институты, то многие нынешние демократические системы, независимо от того, как они себя называют, вероятно, станут гораздо более репрессивными.

Традиционалистский взгляд на человеческое развитие менее империалистичен, потому что он не предполагает универсальности какого-либо набора культурных допущений. В отличие от этого прогрессивный взгляд на человеческое развитие предполагает существование универсальных моральных стандартов (минимум прав человека, максимум демократии). Это неизбежно обостряет международные конфликты, добавляя конфликтные переоценки ко всем другим конфликтам, которые уже существуют между странами.

Примечательно, что позиция России, озвученная ее президентом В.В. Путиным, характеризуется четко выраженной ориентацией на консервативный подход и традицию: «Консервативный подход — не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе. Это прежде всего опора на проверенную временем традицию»¹³.

Перспективы актуальной модели глобализации и тенденции ее трансформации

По мнению экспертов, существует различие между глобализацией и глобальным стандартом, пропагандируемым с начала XXI в. По мнению ряда экспертов, принявших участие в исследовании, мы не можем избежать глобализации, поскольку технологии все больше связывают людей и страны. Однако западный тип глобального стандарта теряет свою ценность в качестве ведущего принципа, и крайне важно, чтобы крупные страны как можно скорее обсудили и выработали глобальный стандарт, основанный на различиях в исторических / социальных / политических традициях стран.

По прогнозам некоторых участников исследования, после пандемии модель глобализации в целом не сможет быть такой же, как в прошлом, и будет неотвратимо трансформироваться. В начале 2000-х гг. существовала тенденция чистой глобализации. Считалось, что глобализация сама по себе способна к саморегулированию. Но

¹³ Там же.

согласно позиции ряда экспертов, такой подход во многом ошибочен, так как оставлял глобализацию в руках более сильных и самых могущественных, что в итоге привело лишь к усилению глобального дисбаланса. Ситуация, по нашим и экспертным оценкам, является неприемлемой. Глобализацию нельзя отрицать, но ее нужно регулировать, для чего нужны сильные лидеры и более сильное руководство национальных государств, что отметили участники исследования. В противном случае она так и останется в руках транснациональных компаний.

Ряд экспертов занял более критическую позицию в отношении будущего глобализации и ее перспектив, исходя из того, что глобализация сегодня приходит в упадок. Такие глобальные явления, как международный терроризм, транснациональная миграция, глобальная экономическая рецессия и глобальная кибервойна, уже привели к росту внутреннего национализма и сужению международного сотрудничества. Глобальная пандемия COVID-19 просто подчеркнула скорость этих процессов. Когда коронавирус охватил мир, закрыв границы и остановив международную торговлю и трансграничные потоки капитала, возникли вопросы о долгосрочном влиянии пандемии на глобализацию. В целом вместо глобализации данная группа экспертов ожидает увидеть более интенсивное региональное сотрудничество во всех ключевых областях. Однако такая региональная интеграция будет в значительной степени защитной — чтобы предотвратить вторжение других региональных объединений.

Несмотря на то что сегодня все дискуссии экспертов вращаются вокруг конца глобализации, «конец глобализации» — это не то, что возникает сразу после подписания документа или принятия единого политического решения — кроме этого требуется время и, что еще более важно, значительные финансовые ресурсы, чтобы восстановить рабочие места и создать местные цепочки поставок.

Важно отметить, что в ходе исследования была выявлена и еще одна экспертная позиция, заключающаяся в том, что последние данные рисуют более четкую и обнадеживающую картину. Глобальный бизнес не исчезает, меняется лишь ландшафт, что имеет важные последствия для стратегии и управления на глобальном уровне.

Эксперты, придерживающиеся данной позиции, считают, что пандемия COVID-19 вряд ли приведет к снижению мирового уровня глобализации ниже показателей периода глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Перспективы для инвестиций в международный бизнес должны улучшиться по мере того, как начнет снижаться макроэкономическая неопределенность, будут отменяться ограничения, вызванные пандемией. Но более строгий контроль за иностранными поглощениями по соображениям национальной без-

опасности останется в силе, а диверсификация цепочки поставок и частичный возврат бизнеса в свои страны улучшат перспективы для одних проектов, в то же время сделав другие менее привлекательными. Экономическое обоснование инвестирования в зарубежные операции по-прежнему будет опираться на традиционные движущие силы, такие как доступ к рынкам и ресурсам, но при оценке рисков основной акцент будет сделан на геополитические факторы в нынешнем контексте. И поскольку страны, которые больше подключаются к глобальным потокам, как правило, растут быстрее, миру нужно больше, а не меньше глобализации, чтобы ускорить восстановление после COVID-19.

Как мы можем заметить, эксперты не имеют единой позиции в отношении будущего актуальной модели глобализации и перспектив ее трансформации, придерживаясь сразу трех основных сценариев развития ситуации в мире в будущем.

Ключевые глобальные угрозы, вызовы и риски в системе международных отношений

В целом на основе результатов проведенного исследования мы можем выделить несколько основных угроз, рисков и вызовов на глобальном уровне.

В первую очередь необходимо вести речь о таком вызове, как современное массовое потребление. По мнению одного из экспертов, «потребительство — это очень медленно действующий, казалось бы, мягкий яд, который движет человечеством. Наиболее опасным и очевидным его проявлением является глобальное изменение климата, которое угрожает всем нам». Однако среди богатых стран нет политического соглашения о том, как предотвратить изменение климата, не жертвуя западным процветанием, и нет желания остального мира оставаться вечно бедным, отказываясь от быстрого промышленного развития. В результате неизбежны серьезные климатические изменения. Следовательно, геополитические стратегии многих государств будут направлены на создание региональных союзов, которые позволят одним странам как можно лучше выжить в самых разрушительных последствиях изменения климата, несмотря на бездействие других.

Внутренняя социально-политическая турбулентность может привести ряд крупных стран мира к намеренному поощрению национализма. По мнению экспертов, важно, чтобы крупные страны мира помнили о таком риске и консолидированно готовились к тому, чтобы справиться с таким кризисом заранее.

Тесно связана с предыдущей угрозой и проблема радикализма. Как отметил один из экспертов, «существующее влияние

радикального движения в определенных частях мира — это то, что должно нас беспокоить». В интересах всех мировых сил — сотрудничать, чтобы остановить эти радикальные силы, а не использовать потенциальные выгоды, которые эти террористические радикальные силы могут дать одной стороне за счет других.

В соответствии с экспертными позициями, необходимо понимание того, что Америка, Россия и Китай несут ответственность за то, чтобы оттеснить радикальные силы в разных частях мира и сдержать их, даже если у кого-то может возникнуть соблазн использовать некоторые из этих сил для собственной выгоды, так как долгосрочный стратегический результат в противном случае будет разрушительным для всего мира.

В связи с обозначенными рисками социально-политической турбулентности, а также роста националистических и радикальных настроений особую тревогу у экспертов вызывает Большой Ближний Восток, который в целом находится в сложной ситуации из-за затяжного суннитско-шиитского конфликта. Недавние выборы и последовавшие после этого события в Ираке и Афганистане не решили проблему социально-политической стабильности этих государств. В Ираке проблема отношений между шиитами и суннитами является потенциальным источником долгосрочной нестабильности, равно как и ситуация в Йемене, где ряд суннитских стран в Персидском заливе воюет против групп людей, прямо или косвенно поддерживаемых Ираном. В свою очередь, Ливия является племенной страной, в которой туареги в пустыне никогда не будут подчиняться приказам, исходящим из Триполи, до тех пор, пока не будет сформирован всеобъемлющий сценарий по воссоединению Ливии. Таким образом, Ближний Восток обладает серьезным потенциалом развития новых конфликтов сразу в нескольких регионах, являющихся очагами нестабильности.

Помимо этого, растущая конкуренция между некоторыми из самых богатых стран мира также несет с собой угрозу войны в течение следующего десятилетия. Средние державы — те страны с растущим экономическим влиянием, которые могли бы обеспечить альтернативные пути в отношении технологий, торговли и безопасности, могут объединиться с одной глобальной сверхдержавой, а не проводить сбалансированную глобальную стратегию и выстраивать рабочие отношения со всеми странами. Как отметил один из экспертов, «сильно дуют ветры конкуренции и антагонизма, и их успокоение не обязательно в интересах всех: в крупных странах есть много групп интересов, которые приветствуют турбулентность, поскольку она увеличивает их собственный авторитет и влияние в стране и за рубежом». Отсутствие сильных институтов или четких

правил взаимодействия между странами будет способствовать тому, что столкновения государств перерастут в полноценные конфликты заинтересованных в глобальной нестабильности акторов.

Нельзя обойти вниманием и современные цифровые технологические трансформации, которые помимо своих выгод также формируют, по экспертным оценкам, потенциал глобальных рисков и вызовов. Ожидается, что более богатые страны сделают гигантские скачки в цифровизации, при этом их национальные предприятия перейдут в онлайн, а их рабочая сила будет продолжать работать из дома. Но более бедные страны вряд ли смогут повторить эти цифровые достижения, а это означает, что цифровое неравенство будет увеличиваться. Кроме того, хотя ускорение цифровизации может принести огромные выгоды обществу, оно также несет с собой риск чрезмерной зависимости от технологий и онлайн-инструментов для принятия решений, которые ранее принимались людьми. Машинное обучение и сложные алгоритмы используются во все большем масштабе для диагностики проблем со здоровьем, выбора инвестиций, оценки образовательных достижений. Но зависимость от алгоритмов для принятия решений может быть опасной, если они полагаются на исторические данные черного ящика, которые больше не являются актуальными или точными.

Огромное количество собираемых сегодня данных также вызывает обеспокоенность. Есть опасения, что они могут быть использованы отдельными лицами или негосударственными группами для распространения опасного контента и дезинформации в глобальном масштабе. За последние годы число кампаний по дезинформации во всем мире неуклонно росло и, по прогнозам, будет только увеличиваться в ближайшем будущем. Неслучайно, по мнению ряда экспертов, глобальные медиа и платформы социальных коммуникаций создают постоянную путаницу и определенный хаос в массовом сознании, в результате чего доверие к ним становится все меньше. Нарративы о реальности всегда были крайне важными, но в настоящее время широко распространено недоверие к источникам, которые когда-то считались надежными авторитетами.

Когда люди бросают вызов основному чувству социальной реальности, они, во-первых, уходят от политики и анонимизируют свое социальное взаимодействие, а во-вторых, еще больше изолируются, обращаясь к прошлой «золотой эре». Это часть естественного механизма защиты общества от быстрых социальных изменений. Но массовое социальное отчуждение и реакция, которые мы наблюдаем, только еще больше разделяют социальные классы. Это делает социальные протесты среди тех, кто чувствует себя брошенным «системой», еще более вероятными в будущем.

Перспективы России в системе будущего миропорядка и потенциал изменения российского политического ландшафта

Мнения экспертов, принявших участие в исследовании, относительно перспектив России в новой системе глобального мирового порядка, а также потенциала изменения политического ландшафта в нашей стране, несмотря на широкий спектр высказанных суждений, можно структурировать следующим образом.

Часть экспертов отметила, что в настоящее время Россия является оазисом спокойствия в условиях формирования все более турбулентной глобальной политики, в которой пока что доминирует Запад. В той мере, в какой Россия может продолжать свою социальную консолидацию, экономический рост и научно-технический прогресс, это внутреннее спокойствие посылает мощный позитивный имиджевый импульс во внешнюю политику. При этом стремление к политической стабильности характерно для российского народа на протяжении долгой истории России, что можно продемонстрировать, среди прочего, долгим правлением Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II.

Однако, по оценкам экспертов, главная опасность для России сегодня заключается в том, что нынешнее спокойствие может обернуться застоем и стагнацией, как это произошло в брежневскую эпоху. Более того, некоторые западные политики считают, что это уже произошло при президенте В.В. Путине. В связи с этим следующие президентские выборы в России будут рассматриваться извне как проверка данного предложения.

В качестве одной из наиболее крупных стратегических ошибок, допущенных Западом, эксперты называют то, что западные страны рассматривают Россию как опасность (более того, начиная со второго срока президента Обамы, по мнению экспертов, наметилась прогрессивная тенденция считать Россию опасной угрозой), в то время как согласно ряду экспертных позиций Россия, являясь страной скорее азиатского измерения, чем европейского, может выступать надежным мостом между Востоком и Западом, а также способна гарантировать стабильность в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Еще одной ошибкой Запада может стать подталкивание России к сближению с Китаем, с которым и так усиливается стратегическое сотрудничество во многих областях на протяжении последнего времени. По оценкам экспертов, гораздо лучше помогать России быть мостом, а не просто партнером Китая. В противном случае может повториться ситуация с Турцией. Как отметил один из участников исследования, «мы толкали Турцию на Восток. И вот мы нашли Турцию в руках Ирана. Не повторяйте такую серьезную ошибку».

Сегодня Россия играет важную роль на Ближнем Востоке, борясь с ИГИЛ. Россия сыграла ключевую роль в стабилизации ситуации с Турцией, где, как отметил один из участников исследования, «турки были готовы уничтожить курдов, немедленно бомбив их, но президент России позвонил президенту Эрдогану и сказал ему: “Стоп, вы не можете убивать ни в чем не повинных мирных жителей”». По мнению экспертов, у России сегодня есть и очень сильные рычаги влияния на Египет и восток Ливии. Также Россия пытается найти решения для стабилизации ситуации в Афганистане, чтобы избежать системной дестабилизации в Центральной Азии. Кроме того, Россия продолжает оставаться ценным и особым стратегическим партнером Индии. Россия также может сыграть позитивную роль в Средиземноморском регионе в целом, как она это сделала в Сирии.

По мнению экспертов, принявших участие в исследовании, Россия играет важную стабилизирующую миротворческую роль, все элементы которой связаны с идеей многосторонности, инклюзивности и сближения стран. Более того, в некоторых случаях, по экспертным оценкам, без полноценного участия России невозможно разрешить существующие конфликты, как, например, в Ливии. В целом эксперты видят Россию как хорошего игрока на широком геополитическом пространстве, способного играть позитивную роль в решении вопросов безопасности и массовой миграции.

Однако эксперты отмечают, что несмотря на серьезные позиции России в Центрально-Азиатском регионе и в странах Ближнего Востока, ей придется активно конкурировать с другими региональными игроками за сохранение своего влияния, в первую очередь — с Турцией и Ираном. Так, поддержка Турцией Азербайджана помогла обеспечить победу над Арменией в их конфликте в прошлом году из-за Нагорного Карабаха и, следовательно, ее влияние в регионе увеличилось. В то время как Россия сыграла важную роль в организации прекращения огня и боевых действий, а ее миротворцы в зоне конфликта действуют как сдерживающий контроль над позицией Турции, российская сторона сталкивается с растущей ролью Турции на этом бывшем советском пространстве. Россия и Турция уже конкурируют за влияние в Сирии и Ливии, где поддерживают противоборствующие стороны.

Одновременно с этим Россия и Иран поддерживают вооруженные силы в Сирии, а также конкурируют за влияние в этой стране. Тем не менее поддержка Ираном Сирии и подразделений ливанской Хезболлы встревожила Израиль, который рассматривает их как угрозу. Однако, по мнению экспертов, Россия способна держать Иран под контролем и может сыграть роль в смягчении тревожных для Запада и Израиля тенденций в Иране. Россия поддерживает

прочные связи с Израилем и не хотела бы, чтобы конфликт возник на сирийской земле между иранскими силами и Израилем. Более того, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Сирия попала под растущее влияние Ирана. Это еще один вызов для российской внешней политики в ближайшем будущем. В целом, по оценкам участников исследования, Россия должна играть ключевую роль в поддержании глобальной гармонии, мира и стабильности в рассматриваемых регионах мира.

В перспективе, как ожидают эксперты, Россия будет стремиться улучшить свои отношения с США и будет использовать свою близость к Китаю для снижения напряженности и эскалации конфликтов между США и Китаем, если того потребует ситуация. При этом наиболее перспективным для России может стать налаживание отношений с США через своих союзников в странах Европы и Азии, а также с помощью инструментов активной публичной дипломатии и социальных сетей, через механизмы общественной дипломатии и расширение международного гуманитарного сотрудничества.

Основными же негативными факторами в отношении России сегодня выступают, по экспертным оценкам, международное санкционное давление, вызванное ситуацией в Украине и присоединением Крыма, чрезмерная зависимость от экспорта сырья, ограниченные темпы социальных реформ, процессы политической либерализации, а также психологический комплекс россиян, которые убеждены в том, что весь мир против России и русских, что почти всегда, как считает часть экспертов, является плодом воображения, а не реальностью. Также в качестве одной из ключевых проблем России в сфере внешней политики является отсутствие разнообразия мышления и действий. По экспертным оценкам, эта проблема актуальна не только в России, но тем не менее она является крайне важной для нашей страны.

Заключение

Сложность поставленных вопросов, касающихся современного глобального развития в условиях политической нестабильности и неопределенности, обострившихся на фоне мировой пандемии COVID-19, во многом обусловили широкий спектр и неоднозначность (а зачастую и противоположность) экспертных суждений, высказанных в ходе исследования.

Дополнительным фактором, определившим диапазон экспертных оценок, послужило то обстоятельство, что эксперты представляли весьма разные по своей политической культуре, традициям, интересам государства разных континентов: от стран Юго-Восточной Азии (Япония, Китай, Индия), и Ближнего Востока (Израиль) до государств западного мира (Италия, США, Великобритания).

С другой стороны, неопределенность траекторий глобального развития и турбулентность существующей модели глобального порядка были эмпирически подтверждены наличием таких противоречивых и разнонаправленных экспертных позиций.

Тем важнее для участников исследования было проанализировать «в объеме» полученные ответы для системной оценки возможных сценариев и потенциала глобальных трансформаций и формирования нового глобального порядка в современном мире.

Несмотря на отсутствие единодушия среди участников исследования, мы можем говорить о том, что в целом актуальное положение в глобальном мире можно определить следующими ключевыми параметрами:

— однополярный мир с единственной доминирующей идеологией неолиберального капитализма неуклонно трансформируется в многополярный мир с наличием сразу нескольких доминирующих идеологий, пусть и с нечетко очерченными на сегодняшний день контурами;

— сохранявшаяся на протяжении последних десятилетий однополярность и «моноидеологичность» во многом предопределили существующие сегодня противоречия как между государствами, так и на внутринациональном уровне во многих даже высокоразвитых странах, а также породили ряд крупных конфликтов в регионах мира;

— пандемия COVID-19 стала мощным глобальным вызовом существующей модели мирового порядка, еще более обострив существующие в современных государствах, а также между ними противоречия социального, экономического и политического характера, главными из которых стали ощущение «несправедливого мира», еще большее усиление разрыва между богатыми и бедными странами, возвращение проблемы массовой нищеты для населения развивающихся стран;

— глобальное ощущение неуверенности, разочарования, потерянности и забытости населения многих стран своими собственными правительствами обусловило нарастание радикальных и националистических тенденций, усиление недоверия к национальным и глобальным институтам власти, рост протестных настроений по всему миру. Более того, эксперты отмечают неспособность многих национальных политических деятелей быть настоящими лидерами и принимать решения, необходимые для развития общества и блага людей в условиях, когда подобное лидерство и подобные решения крайне востребованы населением стран;

— наличие значительного числа глобальных угроз и вызовов нового типа (в первую очередь цифровых, технологических и климатических угроз), во многом будет выступать в среднесрочной

перспективе фактором регионализации, фрагментации современного мира, создания региональных блоков, способных противостоять возникающим угрозам на фоне падения эффективности и действенности существующих международных организаций и институтов (ООН, G7, G20 и др.);

— в настоящее время во многих странах мира происходит смена поколений политиков и формирование новой политической генерации, которая выступает в качестве нового риска для существовавшей в период после Второй мировой войны стабильности и устойчивости. Новые поколения политиков и лидеров не воспитаны в традициях послевоенного мира, у них нет ощущения опасности новой войны в условиях наличия такого сдерживающего, по их мнению, фактора, как ядерное оружие. Однако в этой связи президент России В.В. Путин в рамках заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2021 г. особо отметил, что «о третьей мировой войне говорить бессмысленно, но существует все-таки угроза полного взаимного уничтожения»¹⁴. И фактор формирования новой генерации политиков, недооценивающих подобные сценарии развития ситуации в мире, выступает значительным риском в аспекте обеспечения мирного и устойчивого глобального развития.

Россия имеет хорошие шансы в условиях формирования нового многополярного мира занять позицию одной из ведущих глобальных держав, играющих консолидирующую, миротворческую роль и способных противостоять ключевым угрозам и вызовам в области борьбы с терроризмом, урегулирования межгосударственных конфликтов, обеспечения региональной политической стабильности, регулирования массовых миграционных потоков, особенно в странах Центральной Азии и Ближнего Востока.

Подобное положение дел убеждает нас в необходимости внимательного изучения и глубокого анализа специалистами современных процессов глобального управления, а также разработки научно обоснованной и при этом действенной модели нового мирового порядка, основанного на принципах справедливости, многополярности и взаимного уважения, что позволит противодействовать существующим сегодня глобальной политической нестабильности и неопределенности будущего.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: Конец привычного мира? // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 1–81.

¹⁴ Там же.

Богданов А.Н. Ревизионистские державы и современный мировой порядок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 2. С. 216–219.

Глобальная нестабильность и цифровые технологии: реалии XXI века: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2020 г.). М.: РУДН, 2020.

Грязнов С.А. Мировая политика — глобализация или деглобализация? // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12–1. С. 205–207.

Даллакян К.С. Тенденции современной глобализации // Финансы: теория и практика. 2016. Т. 20. № 3. С. 150–156.

Мачина А.А. Гибридная идентичность как фактор политической реальности европейского общества // Вопросы политологии. 2018. Т. 1. № 29. С. 24–32.

Полулях Д.С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка // Политическая наука. 2017. № 5. С. 245–260.

Солянова М.В. Проблема мирового порядка в современных западных исследованиях // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 34–47.

Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2020»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2020.

Шатанкова Е.Н., Тарыкин В.К., Сычкова Ю.Ю. Идеино-политическая эволюция международного терроризма в условиях перехода к глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 7. С. 147–150.

REFERENCES

Abramov, A. V., Bagdasarian, V. E., Byshok, S. O. et al. “Pandemiia COVID-19: Konets privychnogo mira?” *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, No. 2, 2020, pp. 1–81.

Bogdanov, A. N. “Revizionistskie derzhavy i sovremennyi mirovoi poriadok,” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*, Vol. 11, No. 2, 2018, pp. 216–219.

Dallakian, K. S. “Tendentsii sovremennoi globalizatsii,” *Finansy: teoriia i praktika*, Vol. 20, No. 3, 2016, pp. 150–156.

Global'naia nestabil'nost' i tsifrovye tekhnologii: realii XXI veka: Sbornik materialov mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 27 noiabria 2020 goda). Moscow: RUDN, 2020.

Griaznov, S. A. “Mirovaia politika — globalizatsiia ili deglobalizatsiia?” *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, No. 12–1, 2020, pp. 205–207.

Machina, A. A. “Gibridnaia identichnost' kak faktor politicheskoi real'nosti evropeiskogo obshchestva,” *Voprosy politologii*, Vol. 1, No. 29, 2018, pp. 24–32.

Poluliakh, D. S. “Turbulentnost' kak kharakteristika sovremennogo miroporiadka,” *Politicheskaiia nauka*, No. 5, 2017, pp. 245–260.

Shatankova, E. N., Tarykin, V. K., and Sychkova Iu. Iu. “Ideino-politicheskaiia evoliutsiia mezhdunarodnogo terrorizma v usloviakh perekhoda k globalizatsii,” *Gumani-tarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, No. 7, 2021, pp. 147–150.

Solianova, M. V. “Problema mirovogo poriadka v sovremennykh zapadnykh issledovaniikh,” *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No. 5, 2016, pp. 34–47.

Traditsionnye i novye sotsial'nye konflikty v XXI veke: XIV Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Sorokinskie chteniia — 2020»: Sbornik materialov. Moscow: MAKS Press, 2020.